

24. Сурво В., Сурво А. «Поколенная» вещь, заветная традиция и трансляция культурной памяти (на материалах вепсской, карельской и севернорусской традиций) // Finnic languages, cultures and genius loci. Conference on Finnic minority languages and cultures. Dedicated to Tiit-Rein Viitso's 75th birthday. University of Tartu, March 7–8, 2013 / ed. by Eva Saar, Ergo Västriik. Tartu: University of Tartu, 2013. P. 120–122.

25. Clinton H. R. It Takes a Village: and other lessons children teach us. N. Y.: Simon and Schuster, 1996. 319 p.

26. Hall E. T. Beyond Culture. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976.

27. Huostaanottokirja [Сборник статей, посвященный проблемам и критике ювенальной юстиции] / Toim. J. P. Roos. – Jyväskylä: Design Nurmisaari, 2004. – 148 s.: сайт. URL: <http://www.mv.helsinki.fi/home/jproos/huostaanottokirja.pdf>.

28. Zschokke H. Das Goldmachedorf. Aarau: Sauerländer, 1817.

С. И. Пискунова

В поисках смысла текстов культуры: анализ современных западных герменевтических проектов

УДК 130.2

Автор статьи ставит перед собой цель показать проблему понимания текста и способы поиска в нем смыслов в рамках герменевтических концепций второй половины XX в. В современных исследованиях текстов культуры западных ученых формируются новые парадигмы понимания и интерпретации, актуализирующие онтологические подходы к нему как событийному континууму.

Ключевые слова: герменевтика, текст, смысл, интерпретация, «понимание», «герменевтический круг».

S. I. Piskunova. In search of the meaning of texts of culture: analysis of modern Western hermeneutic projects

The author of article aims to show the problem of understanding the text and ways of search meanings of hermeneutic concepts of the second half of the twentieth century. New paradigms of understanding and interpretation, updated ontological approaches to it as an event continuum are formed in modern researches of texts of culture of the Western scientists.

Key words: hermeneutics, the text, the meaning, interpretation, «understanding», «hermeneutic circle».

В настоящее время герменевтика обрела статус универсального метода, с которым работает каждый гуманитарий, исследуя тексты культуры. Обращение к герменевтической традиции для анализа текстов обусловлено прежде всего состоянием современной культуры, которое характеризуется как ситуация «информационного взрыва». Широкое рассмотрение текста как объекта понимания, а смысла текста как результата понимания, добываемого различными интерпретационными технологиями, породило во второй половине XX в. ряд интересных и спорных герменевтических версий. Текст сохраняет, акцентирует, творит сущностные характеристики бытия в той мере, в которой он адекватно интерпретируется и понимается субъектом культуры. Потенциальная инвариативность текста определяет его креативный потенциал. Вопрос о том, что представляет собой текст как целостный объект изучения с позиций гуманитарных наук, до сих пор открыт. Разноракурсность подходов к этому понятию обусловлена сложностью и многомерностью данного феномена. Он выступает объектом исследования культурологии, семиотики, структурной лингвистики, филологии, философии, психологии и т. д. Поскольку тексты – это изначально языковые феномены, само понятие «текст» зародилось и оформилось в лингвистической теории. Этот концепт, согласно энциклопедическому словарю, означает «в общем плане связную и полную последовательность знаков» [7:1022] или «последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных общей темой, обладающую свойствами связности и цельности» [6:458].

Существует достаточное количество работ отечественных и западных авторов (монографические и диссертационные исследования,

статьи), так или иначе связанных с изучением проблем текста и его структуры. Практически все они объединены идеей о том, что для рассмотрения конкретного текста как текста культуры недостаточно лишь лингвистическая выраженность высказывания. Аккумулируя исторически выработанные человечеством всеобщие способы деятельности и являясь аксиологическим и семантическим пространством целостного человеческого существования, тексты культуры содержат в себе бесконечное множество смыслов и экзистенций, которые актуализируются в новой культурной ситуации в форме индивидуального, авторского построения картины мира и человека.

Согласно идее С. Л. Рубинштейна, всякий текст должен рассматриваться как условие мыслительной деятельности [5:237]. Будучи произведением человека, текст отражает особенности сознания и мышления человека определенной культуры, определенной профессиональной сферы деятельности, социального класса. В формате культурной коммуникации текст есть адресованное сообщение, предполагающее активную позицию реципиента по отношению к получаемому сообщению: он должен расшифровать его, выбрав подходящий смысловой код, или выработать новый. Творческий акт при этом совершается на обоих концах информационно-коммуникативной цепи.

Если говорить о бытийных смыслах, которые обуславливают «жизнь» текста, возможность и обращение к нему, понимание его другими людьми, то проблема выводится на философский уровень, а категории *понимание, интерпретация, герменевтический круг* становятся центральными. Ряд западных мыслителей – Г.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер возводят их в разряд философских категорий, расширяя тем самым горизонт философского тезауруса. Текст предстает уже не сеткой смыслов, которые нужно расшифровать путем обращения к внетекстовым реалиям, а моментом, фазой свершения понимания.

Целью данной работы является анализ западных герменевтических проектов, разработчики которых предприняли: 1) значительную трансформацию понятий «текст», «смысл»; 2) изменение самой сути герменевтического метода. Текст, рассматриваемый ранее как письменная фиксация устной речи, требующий реконструкции в свете

преодоления исторической дистанции, анализируется как онтологический факт человеческого существования (М. Хайдеггер). Любой текст, и письменный, и устный, становится объектом герменевтики. Утрачивает актуальность положение о единственном, подлинном смысле текста; теперь раскрытие смысла – это бесконечный процесс. Являясь идеальной сущностью, смысл текста способен к саморазвитию, и в этом проявляется его автономность по отношению к миру.

В XX в. возникла и оформилась одна из разновидностей философской герменевтики – *трансцендентальная герменевтика*, в большей степени разрабатываемая и востребованная в рамках лингвистической философии. Ее основоположник немецкий философ XX в. К. О. Апелъ разделяет требование «лингвистического поворота» философии, признавая язык первичной сферой философского анализа. Согласно Апелю, современная философия мыслима исключительно как рефлексия о «значениях» или «смысле» языковых выражений [1:311]. Герменевтика Апелъ развивает феноменологические традиции. Заслугу герменевтической феноменологии Апелъ видит в том, что она открыла ситуацию понимания как способ человеческого бытия в мире [1:26]. Кроме того, герменевтическая феноменология положила начало тематизации структур понимания (работа, язык, «телесность») как исторических образований.

Апелъ разработал свой собственный проект трансцендентальной герменевтики. Его «узловые» моменты таковы. Первое: центральными становятся проблема трансцендентального конституирования intersubjectively значимого смысла вещей и явлений и связанная с ней проблема обоснования истинности суждений. Второе: теория познания перестает быть классической критикой познания в виде анализа сознания и превращается в «критику смысла», основанную на анализе знаков и их значений. Предлагаемая Апелем концепция представляет собой теорию коллективного трансцендентального опыта, которая должна обосновать возможность всего познания. Ее основу составляют тематизация языка и коммуникации как *Apriōgī* понимания; тематизация «телесного *Apriōgī*» (*Leib-Apriōgī*), т. е. практической экзистенции людей в качестве прагматического условия возможности познания; попытка обоснования истины или правильности высказыва-

ний, исходя из ситуации «герменевтического круга» и руководствуясь нормативным принципом «лучшего понимания».

Апель считает, что теория познания, ядро которой составляет герменевтика как наука о возможности взаимопонимания относительно смысла вещей и явлений, должна включать в себя критику идеологии эпохи, с тем чтобы дать оценку нормам, ценностям и интересам, которые воздействуют на познавательные процессы.

Современный американский философ Р. Рорти, известный своим проектом «деструкции» всей предшествующей философии как воплощения метафизики, трансцендентализма, фундаментализма, породивших «онтологические бреши» в мировосприятии человека, в работе «Философия и зеркало природы» закладывает базис нового направления лингвистической философии – прагматической философии. Центральным для Рорти является понятие репрезентации реальности, неразрывно связанное с образом зеркала: «...без представления об уме как зеркале понятие познания как точности репрезентации не появилось бы. Без этого последнего понятия стратегия, свойственная философам от Декарта до Канта, – получение все более точных репрезентаций путем так сказать осмотра, починки и полировки зеркала – не имела бы смысла» [4:102].

Рассматривая современную ему философию логического позитивизма, а вернее философию языка, Рорти делает вывод о том, что данное направление тоже основывается на прежнем понимании эпистемологии и философии. Это случилось потому, что в качестве основы исследования был взят язык. Рорти настаивает на том, что язык не должен восприниматься как априорное понятие, которое тогда естественным образом превращается в основание, что ведет к восстановлению в правах прежней философии [4:196]. Рорти недвусмысленно намекает на то, что эпистемология «умерла», и ее место теперь должна занять *герменевтика*, которая «есть выражение надежды, что культурное пространство, оставшееся после кончины эпистемологии, не будет заполнено, и наша культура должна стать такой, в которой требования противопоставления и сдерживания не будут больше ощущаться. «Представление, согласно которому существует постоянный, нейтральный каркас, «структуру» которого может выразить филосо-

фия, есть представление, что объекты противостоят уму, или что правила, которые сдерживают исследование, являются общими для всех дискурсов данной темы. Таким образом, в основе эпистемологии лежит предположение, что все вклады в данный дискурс соизмеримы. Герменевтика есть, по большей части, борьба против этого предположения» [4:233]. Вклады в дискурс могут быть соизмеримы только тогда, когда существует некое основание, а наличие основания – это первый признак рациональности, против которого выступает Рорти. Рациональность подвергается сомнению потому, что в ней видится опасность унификации, сведения всего многообразия теорий, взглядов, мнений лишь к одной правильной теории или положению, что не устраивает Рорти. Он выступает за плюрализм и равноправие в любой области человеческой культуры: в философии, науке, вопросах организации человеческого общества. Представление о рациональности он не считает незыблемым именно потому, что оно всего лишь представление, сконструированное самими философами, и поэтому другие философы вполне могут от него отказаться и заменить собственным.

Согласно идее Рорти, каждый из нас вправе строить свой мир, в котором существуют свои правила, по которым будет жить «постоялец» этого мира. Здесь возникает вопрос о согласовании собственной деятельности с другими людьми-мирами. Вероятно, в данном случае будут устанавливаться такие же отношения, как и между различными дискурсами, где на первый план как раз и выступает герменевтика. Под герменевтикой Рорти понимает «разговор, в ходе которого не теряется надежда на соглашение, но к этому соглашению люди могут прийти не потому, что у них есть общие критерии для решения вопросов, а потому, что все они люди» [4:154]. Очевидно, что у Рорти совершенно особенное понимание герменевтики, не имеющее ничего общего с традиционным. Это выглядит так: он берет старое понятие, но наделяет его совершенно новым содержанием, знак остается прежним, но его смысловое наполнение совсем иное. Общность означаемого угадывается только в том, что герменевтика пытается прийти к пониманию какой-либо проблемы, но на этом общность и заканчивается, потому что традиционная герменевтика считала, что понимание возможно благодаря тому, что слово обладает одним значением, хотя

и может иметь несколько смыслов. Рорти полагает, что слово обладает разными значениями, которые меняются в зависимости от дискурсов, в которых мы его рассматриваем. Поэтому не может быть раз и навсегда установленного значения слова, не может быть одного решения проблемы. Вследствие чего он определяет герменевтику как *разговор* – свободную дискуссию, и совсем не обязательно, что в ходе этой дискуссии люди придут к определенным выводам, что мы бы могли предположить в случае опоры на эпистемологию. Рорти замечает, что «в рамках эпистемологии разговор представляет неясное исследование. В рамках герменевтики исследование представляет рутинный разговор» [4:235].

Трактуя философию как «голос в разговоре человечества» [4:215], картину всеобщей связи, посредницу во взаимопонимании людей, Рорти разработал вариант *прагматистской герменевтики* – концепцию всецелой зависимости интерпретаций «текста» от потребностей толкователя или социума, к которому он принадлежит. Американский философ объясняет, что «...прагматистский подход к познанию, предполагаемый “эпистемологическим бихевиоризмом”, проводит разделительную линию между дискурсами, которые можно считать соизмеримыми, и теми, которые не могут считаться таковыми, как просто линию между «нормальными» и «анормальными дискурсами» [4:237]. Под «нормальным» дискурсом Рорти понимает разговор, ведущийся на основании эпистемологии, а под «анормальным» – разговор, ведущийся на базе герменевтики. Таким образом, прагматистский подход к познанию заключается в том, что мы любой вопрос можем решить с точки зрения эпистемологии или герменевтики, с точки зрения нормального или анормального дискурса, и наш выбор парадигмы решения вопроса не предопределен ничем, кроме соображений полезности.

Идеи Рорти, разрабатываемые в области прагматистской герменевтики, частично совпадают с идеями немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Соглашаясь с Рорти, он трактует герменевтику как концепцию всецелой зависимости интерпретаций «текста» от потребностей толкователя или социума, к которому он принадлежит.

Универсальная прагматика Хабермаса конфронтирует прежде всего с аналитической философией, а также с взглядами на язык, выработанными в рамках герменевтических концепций М. Хайдеггера и Г. Гадамера. В центре противоречий находится вопрос об условиях возможности познания, который Гадамером ставился в форме вопроса о возможности понимания, который Хабермас формулирует в следующей форме: как возможно объективное (универсально значимое) познание из смыслового горизонта, ограниченного пределами жизненного мира? Хабермас считает, что ответа на данный вопрос не найти ни в аналитической философии, ни в традиционной герменевтике в силу того, что их внимание было сконцентрировано преимущественно на семантике. «Аналитическая философия от Б. Рассела и Г. Фреге сосредоточилась на семантике предложений и проблеме отношений предложения и факта. Основным объектом исследования герменевтики стала семантика языковых картин мира» [8:12]. Таким образом, в центре интересов аналитической философии находилась преимущественно языковая функция представления, а герменевтики – его мирооткрывающая функция, переосмысленная Хайдеггером в трансцендентальном смысле как функция артикуляции мира, его спонтанного конституирования.

Возможность ответа на сформулированный им основной вопрос теории познания Хабермас связывает с необходимостью придерживаться систематических рамок, намеченных еще В. фон Гумбольдтом. Эти рамки предусматривают три уровня анализа: на первом исследуется мирообразующий характер языка; на втором – его коммуникативная функция; на третьем – способность языка к репрезентации фактов [8:78]. Получается, что помимо семантики языка необходимо учитывать его *прагматический аспект*, который выдвигает на передний план разговор или диалог и тем самым включает в рассмотрение коммуникативную функцию языка.

Как и Рорти, Хабермас активно использует концепт «разговор», также заимствуя данное понятие из словаря традиционной герменевтики, значительно подвергает его переработке. Основным интересом Хабермаса при анализе разговора концентрируется на его прагматической структуре и на том, каким образом в ходе него возникает взаи-

мопонимание. В поле исследования здесь попадают речевое действие и его формально-прагматические свойства, образование значений, концепт «истина». Все это свидетельствует о том, что критическая переработка теоретического наследия герменевтики в рамках прагматики была бы невозможна без рецепции идей аналитической философии. По словам Хабермаса, «герменевтическая и аналитическая философия образуют не конкурирующие, а дополняющие друг друга традиции» [8:66].

Объяснение того, каким образом достигается объективность познания, в концепции Хабермаса основывается на своеобразном преломлении им идеи герменевтического круга. «Герменевтический круг предстает как расширяющий границы жизненных миров обмен между знаниями, аккумулированными в языке (Sprachwissen), и знаниями о мире (Weltwissen), добываемыми в результате целенаправленной практической и познавательной деятельности» [8:47].

Следует отметить, что тематизация Хабермасом артикулированного в языке жизненного мира всего лишь как условия возможности конституирования понятий о предметах, истинность которых проверяется затем в рамках дискурса, противостоит традиционным герменевтическим представлениям о том, что языковому открытию мира одновременно соответствует раскрытие истины. По мнению Хабермаса, в концепции М. Хайдеггера «онтологическая «истина», которая изменяется вместе с модусом открытия мира, больше не выступает в единственном числе как «единая и неделимая истина» [8:134]. Тем самым истина утрачивает свой универсальный смысл.

В конце XX в. свободная деятельность субъекта-интерпретатора текста вызывает ряд критических замечаний. Позиция отказа от окончательной интерпретации – как возможности равноправного сосуществования с текстом, который полностью не может быть понят, разработана американской исследовательницей культуры С. Зонтаг и изложена в ее известном «антигерменевтическом» эссе второй половины XX в. «Против интерпретации». Зонтаг призывает отказаться от поисков в текстах культуры посторонних психоаналитических, социально-политических и других подтекстов, а открывать «чувственную поверхность произведений», рассматривать его как эротически притя-

гательное событие. «Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства», – пишет Зонтаг [3:18]. Текст культуры, согласно Зонтаг, должен приниматься без интерпретаций и объяснений, интерпретатор не вправе устанавливать власть над ним, не навязывать ему своё объяснение, ибо «искусство не нуждается в оправдании интерпретатора» [3:18]. Оценка интерпретации должна быть исторической. С одной стороны, современная герменевтика помогает открыть текст, открыть автора – недаром в герменевтических текстах достаточно часто встречается жест открытия и принятия странного, непонятного, трудного текста, с другой – ее деятельность реакционная, трусливая и удушьяющая. Именно последняя, согласно мысли Зонтаг, господствует сегодня, «интерпретаторские испарения вокруг искусства отравляют наше восприятие», интерпретация «укрощает» произведение, делает искусство «ручным, уютным», подлаживает под вкусы обывателя. Авторы, трудные для понимания, такие как Кафка, Беккет, Пруст, Джойс и другие, «облеплены интерпретаторами как пиявками», «покрыты толстой штукатуркой интерпретаций» [3:30]. Таким образом, Зонтаг делает акцент на проблеме интерпретирующего субъекта, выход из сложившейся ситуации она видит в чистоте, непосредственности, *прозрачности* произведений искусства.

Итак, анализ западной герменевтической традиции XX в. показывает значительную трансформацию понятий «текст», «смысл», «интерпретация», «понимание», «герменевтический круг», составляющих понятийно-категориальное поле герменевтики. Сам герменевтический метод также претерпевает значительную эволюцию. Свобода интерпретирования предполагается неограниченной: решением субъекта предполагается расширение или, наоборот, сужение круга возможных интерпретаций, степень зависимости интерпретации целого от истолкования его частей, их иерархизация, выделение более или менее предпочтительных интерпретаций и т. д. Интенции автора текста утрачивают всякое значение, вместо воспроизведения первоначальных смыслов речь идет о продуцировании новых (Гадамер). Акт осмысленного прочтения текста, согласно Г. Башляру, уже есть его интерпретация, свободное творчество. Гибкая вариативность значений в языке и разнообразные возможности творчества субъекта истолкова-

ны как «интерпретация вообще».

Текст, рассматриваемый ранее как письменная фиксация устной речи, требующий реконструкции, в свете преодоления исторической дистанции, анализируется как *онтологический факт* человеческого существования (Гадамер, Гуссерль, Хайдеггер). Если ранее объектом герменевтики был текст и письменный, и устный, то в конце XX в. в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Дерриды, П. Рикера оформляется концепция рассмотрения мира как бесконечного и безграничного текста, и деятельность субъекта в нем также может быть прочитана как текст. Теперь текстом называется любая знаковая система, которая способна быть носителем смысловой информации. Так, в структурно-семиотической парадигме все – социум, история, человек, природа, бытие является собой тексты. С этой точки зрения, объект, выступающий творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом (архитектура, реклама, мода, кино, политические кампании и пр.). При этом для того, чтобы понять какое-либо явление, необходимо выявить его скрытый схематизм, представить как текст. И наоборот, чтобы создать нечто, необходимо предложить схему, которая описывается в непротиворечивом тексте. Понимание текста как мировоззрения распространяется на всю культуру. Не только речь или письменные источники, но и произведения искусства, и другие творения человеческого духа начинают пониматься как видение мира человеком, как «сетка», наброшенная на мир, – т. е. как определенная знаковая система, несущая информацию, которую можно понять через особенности «конструирования» мира человеком.

Интерпретация текста осуществляется на разных уровнях и всегда выполняет функцию связующего звена личности и окружающей действительности. Метафорически интерпретация выступает в качестве «переводчика» внешних впечатлений, событий на «язык» внутреннего мира личности, и наоборот, внутренние интенции личности, благодаря этому «переводчику», «говорят» в тексте. Сегодня положение о единственном, подлинном смысле текста утратило свою актуальность, теперь раскрытие смысла значительно – это бесконечный процесс. Являясь идеальной сущностью, смысл текста способен к са-

моразвитию, и в этом проявляется его автономность по отношению к миру. Текст рассматривается как бесконечное кружево полисемичного образования, область продуктивного прочтения, он открыт для новых смыслов – это диалог, посредством которого рождается новый смысл, этап жизни традиции и самого текста. Смысл в этой связи можно обозначить как способ включения человеческого опыта в систему социальных коммуникаций, вне которых смысл не существует. Открывается смысл в акте понимания – там, где происходит «срабатывание» коммуникативной системы. Понимание и есть освоение смысла. Текст с этой точки зрения является заданным нормативом существования смысла в сфере социальных коммуникаций, а вся совокупность текстов, рассматриваемых с точки зрения их смыслов (то есть в аспекте их понимания), образует герменевтический континуум.

Таким образом, в современной философии герменевтике предписывается универсальный статус, причем проблема понимания является самой сутью философии. Предметом философского знания, с позиций герменевтики, выступает текстуальный мир человека. Герменевтический подход к тексту включает представление о балансе свободы и культуры. Разумеется, каждый человек имеет право на собственное индивидуальное или частное понимание, но при этом в процесс вмешивается также и принцип культуры понимания: чем менее индивидуализирован текст – темпорально, тематически или стилистически, тем больше в данном сообществе оказывается реципиентов, сходно понимающих его. Причем это понимание сходным образом соотносится и с тем, что является или представляется авторской программой герменевтических ситуаций. Текст содержит потенциальное множество смыслов, которые постигаются читателями, вносящими в эти смыслы свое собственное «Я». Любое реальное понимание смысла есть особое взаимодействие в рамках диалога, субъектами которого могут выступать как отдельные личности, так и целые культуры. Интерпретация читателя нацелена на поиск смысла сквозь призму собственного «Я». Он вносит в него свое «Я», развивает близкие ему смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, иными социокультурными обстоятельствами. Таким образом, имея перед собой конкретный текст,

смысл и значение которого заданы конкретно-историческим социокультурным фоном и самосознанием творца данного текста, читатель проникает внутрь текста, разыскивает в нем новые смыслы и значения, связанные с его самосознанием и новыми социокультурными обстоятельствами, осуществляя тем самым новое его прочтение и понимание.

1. Apel K.-O. Transformation der Philosophie. In 2 B. Frankfurt a. M., 1973. Bd 2.
2. Гадамер Г.-Г. Философия и литература // Философские науки. 1989. № 2. С. 83–97.
3. Зонтаг С. Мысль как страсть: Избранные эссе 1960–70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
4. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
5. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
6. Руднев В. П. Текст // Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М.: АГРАФ, 2001. С. 457–458.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
8. Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. С. 90–105.

Т. Е. Дудар

**В поисках культурной идентичности:
Орхан Памук. «Стамбул: город воспоминаний»**

УДК 008

В статье исследуются проблемы формирования новой культурной идентичности, возникающие в процессе европеизации на основе анализа романа турецкого писателя О. Памука.

© Дудар Т. Е., 2013